

2018, No 1–2, 75–86

ТАТЯНА АЛЕКСИЕВА

Софийски университет „Св. Климент Охридски“

✉ tatyana_a@abv.bg

ПРОНОМИНАЛНИ МАРКЕРИ ЗА ПРЕПАРАТИВНА ЗАМЯНА В СПОНТАННИЯ РУСКИ ДИСКУРС

Анотация

Статията разглежда маркерите за препаративна замяна, които са свързани с търсенето на подходящо средство за вербализация на определен сегмент от смисъла на изказа в устния спонтанен дискурс. Поради синхронното протичане на планирането на речевата програма и продуцирането на съобщението при този тип дискурс пълният контрол над речта е невъзможен. При възникнали затруднения в процеса на вербализация говорещият трябва да осигури кохезията между фрагментите на дискурса, докато си припомни нужната дума. Когато не успява навреме да планира текущата дискурсивна единица или да избере най-адекватната номинация, той прилага механизма на препаративната замяна, който се състои в употребата на заместител, служещ като своеобразен „трамплин“ за реализацията на нематериализираната проспективна единица. При това маркерът заместител заема позицията на определен синтактичен компонент в структурата на изказа.

В ситуации на речево колебание в руския език като най-фреквентна се откроява групата на прономиналните дискурсивни маркери, включваща единиците это и это самое. Те са кратки, удобни за произнасяне, а в семантично отношение се характеризират с неопределеност.

Анализът показва, че в руската спонтанна реч най-често срещаният тип препаративна замяна е този, при който маркерът-заместител се съгласува граматично по род и число с планираната именна група (в этот ... в Сбербанк пошел). Констатира се, че забавянето в търсенето на подходящата дума се наблюдава предимно във финала на фразата, която остава недовършена.

В случаите на заместване на глаголна група се използва несъгласувана субституция. Регистрирани са случаи, при които маркерът это (самое) разкъсва предикативната конструкция (я не могу/ это самое/ похвастаться) или се прикрепя към представката на глагола (за... это самое / и заработало). Установява се, че маркерът за препаративна замяна не само замества временно отложения предикат, но също така може да се използва за внасяне на корекция в локалната структура на дискурса.

Проследява се комбинаториката на средствата за препаративна замяна и по-точно съчетаемостта им с други дискурсивни маркери (ну, вот, там, как его, вот такое, значит и др.).

Проведеното изследване показва, че, наред с функцията на гравивен материал при структурирането на изказа, прономиналните маркери это и это самое могат да изпълняват и редица други функции: те маркират проблемните точки в процеса на генериране на речта, осигуряват континуитет в комуникацията и подпомагат адекватната рецепция.

Ключови думи: спонтанен дискурс, хезитация, маркери на търсенето, синтактичен конституент, субститут

Значительную часть речевой деятельности каждого человека представляет живое, неподготовленное по форме устное общение. Процесс порождения устной речи сопряжен с рядом трудностей, так как он „тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления“ ([5]: 110). При естественном генерировании речи говорящему приходится решать одновременно несколько задач. Первая заключается в необходимости синхронизировать процесс планирования (формирования „внутренней программы“ речи) с продуцированием устного сообщения. Вторая связана с тем, что в условиях временного дефицита говорящий должен „линеаризовать многомерные семантические структуры“ ([2]: 166), причем делать это так, чтобы реципиент мог их восстановить. Для этого коммуниканту необходимо выделять релевантную информацию, обеспечивать логичность и связность конституентов дискурса.

Известно, что чем импульсивнее возникает высказывание, тем больше оно детерминировано внезапно появившейся ассоциацией в сознании говорящего, тем сложнее упорядочить степень важности сообщаемых фактов, отсеять несущественное, нерелевантное, подобрать адекватную словесную форму ([6]). Именно эти операции, осуществляемые в экстремальных условиях (необратимость поступательного развертывания сообщения, ограничения, связанные с объемом кратковременной памяти говорящего, отвечающей за обработку текущей информации), обусловливают появление в едином звуковом континууме единиц с высоким содержанием информации и различного рода исправлений, перестроек, самоперебивов, явлений хезитации как показателей раздумий.

Объектом нашего внимания являются дискурсивные маркеры, выступающие в функции поиска (слова, выражения, продолжения речи). Данный класс лексических маркеров, которые можно отнести к хезитативам, сигнализирует о трудностях в вербализации и призван осуществлять так называемую „препаративную замену“¹. По замечанию Ю. Дараган, это своего рода прагматические переменные, которые

¹ Данный термин, введенный в обиход чешским лингвистом Кветой Кожевниковой ([6]), получил признание широкого круга лингвистов.

говорящий подставляет во фразу на место пропущенного (временно отложенного) фрагмента дискурса ([2]).

Экспериментальный материал составили диалоги на разные темы, записанные в лаборатории речевой коммуникации МГУ. В качестве дополнительного источника были эксцерпированы примеры из электронного устного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Механизм препаративной замены субъект речи задействует в тех случаях, когда не успевает вовремя спланировать текущую единицу дискурса или определиться с удовлетворяющей его номинацией. Чтобы нивелировать свои речевые затруднения, говорящий подставляет субститут как своего рода „трамплин“ для реализации невоплощенной проспективной единицы. Маркер-субститут всегда замещает прагматическую переменную, которая функционирует как синтаксический конститuent в структуре высказывания (подробнее в [13]).

Препаративная замена, как правило, детерминирована близким, „контактным“ поиском. Обратимся к примерам:

(1) Я забыла купить *этот еще / как его* ... термометр для воды (Материалы Ульяновского университета, 2007).

(2) В первую очередь нужно вы= ||... выявлять / э-э / *эт^о самое значит* / корректорские моменты / в первую очередь / да / что связано с запятыми (Разговоры знакомых, Материалы Саратовского университета, 2004).

Как видим, в поисковой функции используется группа слов, имеющих специфическое отвлеченное значение, которое конкретизируется в речевой ситуации: это выделительно-указательное местоимение ближнего дейксиса *это*, его сочетание с эмфатическим местоимением *самый* в различных комбинациях: *этот (самый)*, *эта (самая)*, *эти (самые)*, конструкции *как это*, *как его* и др. Общей чертой вышеназванных прономинальных единиц служит указание на неопределенность, что и мотивирует говорящего использовать их в данном качестве. Отметим также, что данные речевые единицы краткие (в большинстве своем однословные), а следовательно, легко воспроизводимы и удобны для произнесения.

Комментируя статус местоимений, Е. Земская подчеркивает, что они „употребляются не только как заместители полнозначных слов, отсылающие к ним, но и как слова-указатели (дейктизмы), непосредственно соотносящие содержание речи с каким-нибудь элементом реальной обстановки <...>, а также как средство обеспечить непрерывность в синтаксическом строении высказывания“ ([3]: 38).

Замечено, что функционируя в роли хезитации, маркер *это* имеет два способа произнесения. В первом варианте его отличает отсутствие проминентности: в маргинальных позициях во фразе он лишается фонетической самостоятельности, подвергаясь клитизации (срв.: *ой / [эт^о вьт] я не знаю*). Во втором – локализуясь перед паузой хезитации, маркер *это* выделяется просодически и оформляется нисходящей то-

нальной огибающей. „Ударность местоимения-заместителя указывает на то, что слово, для которого оно *держит место*, является информационным центром высказывания“ ([11]: 38). В первом своем употреблении данная единица функционирует как заполнитель паузы hesitation, во втором – как маркер поиска.

На сходный, но не идентичный тип употребления маркера *это* обращает внимание Ю. Дараган, относя группу *это* и его производные (*это самое, этот самый*) к сигналам речевого сбоя. По мнению исследовательницы, переменные этой группы маркируют не порождение нового текста, а припоминание старой программы, будь то на уровне слова или его части, именной или глагольной группы, клаузы или целого высказывания ([2]). На наш взгляд, маркеры поиска реализуются в речевом континууме в тех случаях, когда на превербальной стадии планирования говорящий знает, о чем будет вести речь, но затрудняется вербализовать собственное представление. В сознании коммуниканта сформировалось какое-то понятие, но он не в состоянии вспомнить его точное название, вследствие чего прибегает к прономинальному субституту.

Проанализированный нами материал показал, что маркеры поиска могут замещать не только отложенные субстантивные (именные) группы, но и целую предикацию в том случае, если говорящий запаздывает с вербализацией следующей единицы дискурса (например, затрудняется назвать какое-либо действие, объект или явление).

1. Препаративная замена субстантивного конституента

В русском языке согласованные маркеры препаративной замены способны замещать любые субстантивные составляющие. Маркер препаративной замены *это* интегрируется в синтаксическую структуру, и на него проецируются грамматические показатели прагматической переменной. В таких случаях можно говорить о полной гармонии грамматических форм субститута и именного компонента.

Маркер *этот/ эти* может подчеркивать отсылку к микроконтексту или указывать на объект восприятия. Антецедент, предваряемый субститутутом, содержится в последующей горизонтальной плоскости – медиальной части высказывания – и требует немедленного раскрытия содержания. В приведенных ниже примерах маркер поиска и отложенный конституент имеют изоморфное оформление: в (3) наименование банка и (4) блюда в форме единственного числа оформлены аккузативом, а в (5) название полезного ископаемого – номинативом.

(3) Хорошо/ как говорится / папа в *этот* ... в Сбербанк пошел / и поменял (Разговор дома о студенческой конференции и о политике, 2008).

(4) Он был рад // Мы сварили / *эти самые*... / вареники (Разговор с братом по телефону, 2015).

(5) Есть / ну-у / попадается там *эта* ... крапчатая руда / так ее называют крапчатая руда / потому что когда возьмешь булыжник / камень

/ то такие капельки / вот такое *это* / *это* именно руда есть (В. Коваль. Рассказ о жизни в Норильске).

В рамках предположно-падежной формы предлог может репродуцироваться: употребляться перед маркером поиска и управляющим именем, что свидетельствует о том, что говорящий уже определился с грамматическим оформлением планируемой конструкции, но запаздывает с искомой номинацией:

(6) А эти / данные / с *этой* / интер / ну / с *этой* конференции они выставлялись для / всеобщего сведения в интернет? (Заседание по делу Г. Грабового, 2008).

По мере поступательного развертывания высказывания коммуникант может прибегнуть к уточнению деталей референтной ситуации (ввести дополнительную пропозицию) для устранения смысловой неточности, и тогда замене подвергается не исходное смысловое задание, а только его конкретная реализация. В следующих примерах поисковая функция маркеров тесно корреспондирует с уточнением и перепланированием текущего узла дискурса.

(7) В зале там *на этом* ... в комнате там *э на* подоконнике тоже холод (Разговор по телефону, 2015).

(8) Не полки/ а шка= || *эти самые* / м-м корзины / как вы говорите / да / выдвижные? (Разговор с консультантом, 2015).

В русском языке поисковый маркер *это* способен замещать различные формы отложенных конститuentов, однако при этом отмечается грамматическая рассогласованность (в роде и падеже) форм, например:

(9) Нас везли *по это*... по реке / не по реке / а море там / у Ленинграда/ есть (Интервью с юбиляром // Коллекция Казахстанского филиала МГУ, 2012).

В ходе хезитационной заминки говорящий может частично отказаться от исходного замысла и произвести операционную замену предлога, не сохраняя при этом грамматического согласования с отложенной переменной:

(10) Короче / у них / вот я не помню / как называется / в *это* ... на стекле прямо рисуешь / так как бы маслом / оно как бы застывает / и такой как витраж получаем (Встреча сотрудников музея со студентами, 2013).

Употребление несогласованного маркера *это* в подобных контекстах, когда он „не формирует отдельного узла синтаксической структуры“, следует рассматривать как междометийное, поскольку в функциональном плане он уподобляется долексическим маркерам хезитации (заполненным звуко сочетаниями паузам, мэканию) ([8]: 201).

Особенно наглядно задержка в поиске номинации прослеживается на финальных участках фразы, где часто отмечается апозиопезис. В этом случае высказывание остается незаконченным как в синтаксическом, так и просодическом плане, но все же расцениваться коммуникантом как информационно достаточное и не подвергается коррекции,

так как его смысл легко восстанавливается реципиентом из ситуации общения: речь идет о заправке иномарки дизельным топливом.

(11) Конечно / это замечательно / когда [када] мы ездим в автомобилях / но не тогда / [када] какая-нибудь задница едет на каком-[н'ит'] ландровере по Москве / значит / занимая пол-улицы и сжигая огромное количество / *это самое ...* // Ведь проблема Москвы в чём заключается? (Лекции по психологии, 2007).

Внезапный обрыв фразы отправитель сообщения может восполнять невербальной информацией – иллюстративными жестами, которые активно участвуют в когнитивных процессах, происходящих в сознании коммуниканта. Затруднение с выбором подходящего названия или с поиском языковой формы, которая соответствовала бы коммуникативной интенции говорящего, мотивирует его использовать жестовый конкретизатор для дескрипции размеров емкости, который содержит в себе семантику: вот *'такой, как я показываю'* в (12). Конкретный референт (объект речи) как таковой в ситуации не присутствует, а эксплицируется посредством сопровождающего жеста-иллюстратора и лексического определителя *вот*. Указательная частица в данном контексте становится маркером экземплификации. При переносе акцента на частицу *вот* поисковый маркер *это самое* приобретает значение *'большого размера в соответствии с показанными (раздвинутыми в стороны) руками'* (подробнее см. [7]). Пролонгированное *во-о* образует отдельную синтагму, оформленную восходящим тоном.

(12) И в этот отдельный / чайник фарфоровый здоровый был / как вроде *этой самой ...* // *Во-о* // (Речь дальневосточников, 2008).

Следует отметить, что когда коммуникант не может доступно описать ситуацию или какой-либо предмет, он отдает предпочтение дескриптивному, перифрастическому выражению перед родовым понятием или другим более „сжатым“ наименованием:

(13) Знаешь / ну есть еще такая штука / которая *ну типа* взбивать *эту самую ...* яичницу (Материалы Санкт-Петербургского университета, 2007).

Название инструмента *венчик*, которое в одном из своих значений определяется как *'ручное приспособление для сбивания крема, мусса и т.п. в виде металлической спирали, насаженной на ручку'* ([1]), ускользает из памяти коммуниканта. Попытка вспомнить точное название прибора (*есть такая штука*) успехом не увенчалась, поэтому он для большей наглядности использует иные языковые средства, чтобы адресат смог получить более ясное представление о референте.

При выходе из затруднения говорящий может эксплицировать свое сомнение в том, что поиск привел к удовлетворительному результату. Оставаясь в состоянии неуверенности в правильности найденной номинации, он уклоняется от ответственности за сказанное и выражает отношение „дистанцированности“ от словоупотребления посредством конструкции: *или как это сказать / или как (там) называется*. Такие

устойчивые речевые формулы служат „индикатором субъективной оценки говорящим собственной речевой деятельности“ ([12]: 717). Ср. примеры, где говорящий выражает сомнения в адекватности транслируемой номинации:

(14) И вот / туда можно приехать / заплатить рублей / по-моему / шестьдесят и за это тебе дадут / во-первых / морковки / которой ты можешь покормить лосей-подростков таких / им где-то года полтора / а также тебя пускают *в этот...* вольерчик / *или как это сказать* (проект „Родутро“ на „Маяке“, 2010).

(15) Но если ученые не пытаются [смеется] / не пытаются свои замечательные фантазии / как у Фоменко / выдавать за истину / то я все-таки не могу всерьез относиться *к этой ...* новой хронографии / хронологии... *или как там называется* (Интервью със С. Лукьяненко на „Маяке“, 2006).

Коммуниканты эксплицируют свою неуверенность в выборе языковых средств для экстерииоризации одного из конститuentов смысловой программы высказывания. Так, в (14) заминка говорящего связана с диминутивом *вольерчик*, который имеет значение ‘огороженная сеткой площадка для содержания птиц и кроликов, пушных зверей’ ([4]). Посредством вводного оборота *или как это сказать* говорящий дает понять партнеру по коммуникации, что он недостаточно хорошо знаком со спецификой номинации в дискутируемой области и полагается на сотрудничество с ним. В (15) коммуникант информирует слушающего, что стоит перед референциальным выбором между двумя сходными по звучанию терминами (*хронология* и *хронография*). Используя речевую формулу *или как там называется*, говорящий осуществляет „отгораживание“ от передачи чужих слов. Субъект речи делает отсылку к профессиональной сфере употребления указанных терминов, в которых он, по-видимому, недостаточно хорошо разбирается.

О сомнениях могут свидетельствовать и другие маркеры хезитации. В следующем примере (16) коммуникант опирается на поисковую частицу *ну*, метаязыковой маркер *там* и конструкцию *я не знаю*, которые выступают в позиции медиального речевого хода:

(16) А когда я посчитала / *ну я не знаю там* / отклонение *что ли* / *или как это называется* / геометрическое (Разговор о диссертации, Саратовский университет, 1960–1980).

В указанном контексте трудно точно определить, чем обусловлена хезитация: говорящий не знает (или не уверен), как назвать данное явление (*ну я не знаю там*) или не представляет себе его конкретно. Затруднение с концептуализацией усиливается и реализацией в контексте маркера неуверенности *что ли*.

В процессе построения дискурса субъект речи постоянно осуществляет мониторинг сказанного и вносит коррекцию в структуру высказывания. В (17) коммуниканта не устраивает озвученная дефиниция *субъектность*, и он решается на замену термина словом (*индивидуаль-*

ность), маркируя при этом свою неудовлетворенность поиском номинации метакоммуникативными сигналами *вот это вот* и комментирующей конструкцией *извините за плохое слово* (последнее повторено дважды). После неудачных попыток подобрать нужное выражение говорящий посредством комментария *как это сказать* апеллирует к слушателю, давая ему понять, что адекватный термин так и не найден, и прибегает к дескриптивному обороту речи.

(17) Вот / и / в этом смысле конечно нам важнее все-таки удержать / их / интерес / и их субъектность *вот это вот извините за плохое слово / ну / как это ...* индине= ||... индивидуальность *плохое слово* и субъект / а / *как это скать* [скът'] / способность владеть ситуацией (Дискуссия по педагогике, 2005).

Употребленный здесь дважды маркер препаративной замены *как это* полифункционален: помимо собственно хезитационной функции, он маскирует речевое затруднение коммуниканта, выполняет функцию поиска и осуществляет метакомментарий.

Вводные конструкции типа *или как (там) это называется, как это сказать*, которые встречаются в проблемных точках дискурса, позволяют коммуниканту осуществить нечеткую или приблизительную номинацию. Вводя их в свою речь, говорящий применяет стратегию инклюзии: „снимает с себя ответственность за точность вербализации и предоставляет слушающему возможность посильного сотрудничества в реконструкции исходного смысла“ ([9]: 632).

2. Препаративная замена предикативного конституента

Тактика препаративной замены глагольной составляющей используется довольно редко. В этой функции всегда выступают прономинальные маркеры *это* и *это самое*. Проиллюстрируем это примерами:

(18) А он говорит / ну видите из-за скромности я не могу / *это самое / похвастаться* / но дело в том / что у меня э-э семья в трех поколениях э-э ... это учителя (Разговор дома о студенческой конференции и о политике, 2008).

(19) Ну я просто э-э / *может быть / это / ну получится* / что я поздно закончу (Разговор подруг по телефону, 2015).

Как показывают примеры, затруднения связаны с поиском неопределенной формы в группе предиката: говорящий уже спланировал модальный/ фазовый глагол в личной форме и колеблется в выборе инфинитива. Отмечается, что несмотря на то что в русском языке „невозможно синтетическое глагольное словоизменение маркеров препаративной подстановки, они могут появляться в составе аналитической глагольной формы“ ([10]: 24).

Нами отмечены случаи, когда маркер *это (самое)* может присоединяться к деривационной глагольной приставке (*за-*, *при-* и др.), что для обычного употребления местоимений абсолютно не консистентно.

Например:

(20) Ну ... как-то все это между собой *это ... за... это самое ... и заработало* (Д. Дьяченко, День радио, 2008).

(21) И представляете / причем это было так дорого и так / значит / недоступно / что у знатных дам туалеты / значит / корсаж / это самое / рукава и юбка / *при...это самое* / шнурочком так *придelvesались* друг к другу / и они / как могли / меняли / значит/ это (Лекция по психологии, 2007).

(22) [Муж] Щас банка начнет лопаться // [Жен] *Приэто самое* ее / и поставить (Разговоры во время празднования дня рождения на острове на Волге, Коллекция Саратовского университета, 2002).

В данных контекстах маркер препаративной замены может служить не только заместителем временно отложенных предикатов, как в (20), но и использоваться субъектом речи для внесения коррекции в локальную структуру дискурса. Наряду с поиском предиката в (21), говорящий одновременно достраивает локальную структуру дискурса, добавляя новый актант (*шнурочком придelvesались*), а в (22) забраковывает фрагмент *приэто*, по всякой вероятности, артикулированный им преждевременно, и заменяет его полнозначным предикатом *не привязан*. В (20–22) субъект речи строит дальнейший дискурсивный узел с тем же префиксом, который присоединился к местоименному субститу. Иначе обстоит дело в (22), где говорящая осуществляет пробный шаг для вербализации некоторого смысла, но адекватного языкового выражения ей подобрать так и не удастся. Однако высказывание оценивается как уместное и информативно достаточное для восстановления нужного фрагмента смысла из контекста, поэтому не подвергается коррекции со стороны реципиента.

Реализация речевой программы может сопровождаться неудачными пробными шагами, поскольку замысел созрел еще не полностью, а артикуляционная разверстка уже началась. В таких случаях процесс поиска прерывается паузами, самоперебивами, редупликацией глагольного префикса, добавлениями, перестройками в текущей структуре дискурса:

(23) Она гово= || она приходила говорила / люди *при-и* ... люди уже-е по несколько раз *при... это самое / приходят* ... не ... не могут договор никак / э-э никак по-олучить (ОРД, подготовленный группой А.С. Асиновского, 2007).

Не всегда поиск глагола-сказуемого приводит к положительному результату, об этом свидетельствует незаконченная грамматическая структура фразы с незаполненной синтаксической позицией предиката в финальной части:

(24) Все идет тихо / мирно / и никто не *это самое* (Беседа в Воронеже, 2003).

(25) Эта статистика / она везде подтверждена / можете / *это самое* (Беседа с ветераном, 2009).

(26) Мне не добавили балла / вот поэтому... *это самое* (Разговор студенток об экзамене, 2009).

В (24) говорящий не смог найти подходящие средства выражения для дескрипции ситуации (предикат со значением ‘*напрягаться*’). В (25) не был вербализован глагол со значением ‘*проверить*’, в (26) – целая предикативная единица со значением ‘*не пройти по конкурсу*’. Однако, несмотря на отсутствие вербализации данного участка смысла, адекватное восприятие адресатом целостного замысла высказывания не нарушается. По-видимому, это становится возможным благодаря учету широкого контекста и наличию общих фоновых знаний и коммуникативного опыта участников интеракта. Зачастую полного раскрытия содержания субститута и не требуется, поскольку устанавливаемые на основании линейно развертываемого контекста смысловые связи полностью обеспечивают взаимопонимание участников интеракции, помогая слушателю восстановить неозвученную информацию.

Средствам препаративной замены *это, это самое* могут сопутствовать другие симптомы речевых затруднений, которые локализируются соответственно на „левой“ или „правой“ периферии маркера. В таблице приведена комбинаторика сочетаний маркеров препаративной замены с другими видами дискурсивных маркеров.

<i>Левая периферия</i>	<i>Маркеры препаративной замены</i>	<i>Правая периферия</i>	<i>Возможные комбинации</i>
ну	это, эти, этот	как его	<i>ну это</i>
вот	это самое, эти самые,	вот	<i>это ... как его</i>
там	этот самый, эта самая	ну	<i>вот эти вот</i>
вот там вот		значит	<i>там это</i>
такое		вот ну	<i>это ... ну</i>
знаешь вот			<i>вот такое это</i>
			<i>этой ... ну</i>
			<i>знаешь вот это вот</i>
			<i>так сказать вот это вот</i>

Полученные результаты позволяют констатировать, что несмотря на определенный паритет в дистрибуции дискурсивных маркеров в „левом“ и „правом“ контексте, спектр „левого“ контекста вариативнее. Цепочечное нанизывание маркеров приводит к образованию пространственной хезитативной конструкции, в которую способны объединяться от 2 до 6 единиц.

(27) У меня *там ... это ...* шашлык убегает / ты извини (Сибирские огни, 2003).

(28) Сейчас дети очень такие брезгливые / они больше такие домашние / они все || компьютер / игры все *вот эти вот / ну* телефоны *как бы* (Коллекция Казахстанского филиала МГУ, 2012).

(29) Двадцать третьего / да... *вот* / а там это / как его там / первого мая / да (Домашний разговор, 2006).

(30) Ну и то / *знаешь вот это вот ... ну как это* / на рыбье рак ... рыбки(?) (ш) вот как это выражение-то ? (Один речевой день).

(31) что там говорят между собой *вот эти вот эти* ээ девушки бедные с этим молодым /человеком (НКРЯ).

(32) То есть э-э предва= || *предварить / так сказать / а-а вот эти вот* все вещи / включая и вашу таблицу и их количество / тем / что вы э-э / *значит / ну это* коротко описываете / что *вот эти вот* оставшиеся сто слов [откашливается] далее были проверены а-а по= || по таким-то словарям (Беседа с преподавателем, 2008).

Следует отметить довольно широкий спектр участия дискурсивных маркеров и их разнообразные комбинации. Кроме когнитивной функции, каждый маркер вносит дополнительный смысл в локальную структуру дискурса:

- *ну* и *вот* актуализируют внимание реципиента (28 – 31),
- *там* – подчеркивает несущественность детали (27 и 29),
- *ну* вносит уточняющую информацию (28 и 30),
- *знаешь* – несет контактоподдерживающую функцию и выступает как стартовый маркер (30),
- *вот эти вот* – выполняет дейктическую функцию (28, 30, 32);
- *так сказать ... вот эти вот* – сигнализирует об проблеме выбора подходящей формулировки в (32).

Указательную частицу *вот* можно считать самым частотным маркером в речевых цепочках. Его просодия варьируется в зависимости от занимаемой им синтаксической позиции в синтагме: в постпозиции к подстановочному маркеру частица, как правило, лишается проминентности и клитизируется (присоединяясь на правах энклитики к предшествующей словоформе), а в других – маркирована фразовым акцентом. Однако и в том, и в другом случае после форманта *вот это вот* следует пауза, которая позволяет говорящему выиграть время, чтобы найти нужную вербализацию.

На основе проведенного анализа можно сделать следующее заключение: препаративная замена является неотъемлемой частью устной формы реализации языка. Любому развертыванию дискурса может сопутствовать хезитационное затруднение, в ходе которого говорящий старается найти удовлетворяющую его единицу кодирования и осуществить планирование следующей порции дискурса. Именно механизм препаративной замены позволяет коммуниканту на травматическом участке локальной структуры дискурса на место временно отложенной переменной подставить субститут, чтобы предотвратить речевой сбой и обеспечить континуитет высказывания.

Литература

- [1] – *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. Кузнецов, С. А. Санкт-Петербург, „Норинт“, 1998.
- [2] – Дараган, Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства. В: *Доклады международной конференции Диалог '2003*, Москва, 2003, с. 166–178.
- [3] – Земская, Е. А. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва, „Русский язык“, 1987. 240 с.
- [4] – Ефремова, Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-образовательный*. Москва, „Русский язык“, 2000.
- [5] – Кацнельсон, С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград, „Наука“, 1972. 213 с.
- [6] – Кожевникова, К. О смысловом строении спонтанной устной речи. Линейное построение речи и нелинейное формирование содержания. // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. Москва, „Прогресс“, 1985, с. 512–523.
- [7] – Крейдлин, Г. *Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык*. Москва, „Новое литературное обозрение“, 2002. 592 с.
- [8] – Подлеская, В. И. О грамматикализации и „прагматизации“ маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки. В: *Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Санкт-Петербург, „Нестор – История“, 2006, с. 189–210.
- [9] – Подлеская, В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной Международной конференции „Диалог“ (2013), Москва, 2013, с. 631–643.
- [10] – Подлеская, В. И., Кибрик, А. А. Коррекции в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования. В: *Русский язык в научном освещении*. № 2 (12). Москва, „Языки славянских культур“, 2006, с. 7–55.
- [11] – Барина, Г. А., Земская, Е. А., Капанадзе, Л. А., Красильникова, Е. В., Ширяев, Е. Н. (Сост.). *Русская разговорная речь: тексты*. Москва, „Наука“, 1978. 306 с.
- [12] – Шилихина, К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции „Диалог“* (Отв. ред. В. П. Селегей). Вып. 12 (19). Т.1. Москва, РГГУ, с. 710–717.
- [13] – Hayashi, M., Yoon Kyung-Eun. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: with particular reference to the context of word-formulation trouble. In: *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. By N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan. (Typological studies in language 93.). Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 33–66.